

Кесслер

A-4200

**Краткая біографія Академика К. М. Бэра, читанная въ декабрьскомъ
общемъ собраніи Общества,**

Профессоромъ Ф. В. Овсянниковымъ. ¹⁾

Милостивые государи! Въ прошломъ общемъ собраніи К. Ф. Кесслеръ заявилъ о кончинѣ нашего почетнаго члена, извѣстнаго естествоиспытателя Э. И. Эйхвальда. Сегодня приходится снова заявлять о громадной утратѣ, понесенной нашею наукою въ лицѣ одного изъ первыхъ ея представителей, въ лицѣ нашего почетнаго члена К. М. Бэра. Можетъ быть нѣкоторымъ изъ членовъ нашего общества жизнь и разносторонняя ученая дѣятельность Бэра извѣстны изъ его автобіографіи, въ которой онъ съ такою правдивостью, полнотою, отчетливостью излагаетъ свою жизнь и перечисляетъ свои труды, что постороннему человѣку едва ли остается что-либо прибавить. Тѣмъ не менѣе мм. гг. я принимаю на себя смѣлость обрисовать передъ вами, хотя немногими чертами, главныя фазы его жизни и значеніе хоть бы только части его трудовъ.

Карлъ Максимовичъ Бэръ родился 17 февраля 1792 г. въ имѣннн Пилъ, которое и теперь принадлежитъ его семьѣ. Имѣніе это лежитъ въ Эстляндіи и находится возлѣ новооткрывшейся балтійско-дерптской желѣзной дороги.

¹⁾ Болѣе подробный некрологъ будетъ напечатанъ въ изданіи Импер. Акад. Научъ.

Эт.
1908 г. 5261

Первое воспитаніе Карлъ Максимовичъ получилъ въ родительскомъ домѣ у гувернантки, потомъ его учителемъ сдѣлался кандидатъ богословскихъ наукъ Стейнгрюберъ. Въ тѣ времена студенты богословія получали болѣе широкое общечеловѣческое образованіе чѣмъ теперь, когда при развитіи специальностей умственный кругозоръ стиснутъ въ узкую рамку.

Стейнгрюберъ обладалъ между прочемъ довольно глубокими свѣдѣніями по географіи и математики и преподавая эти предметы съ большою любовью, умѣлъ заинтересовать ими Бэра и другихъ учениковъ. Въ курсъ занятій входила ариѳметика, геометрія, стереометрія, частью тригонометрія и алгебра. Стейнгрюберъ обладалъ коллекціею математическихъ фигуръ, другія же выдѣлывалъ изъ матеріала, какой только попадалъ подъ руку, было ли это дерево, папка или репа—все шло въ дѣло, чтобы сдѣлать преподаваніе болѣе нагляднымъ. При этомъ нерѣдко имѣлось въ виду показать практическое приложеніе математики, для чего напр. дѣлались съемки мѣстностей. На 12 году Бэръ представилъ геодезическую съемку имѣнія съ прилегающими домами и лѣсомъ.

Въ наше время начинаютъ только сознавать необходимость серьезнаго образованія женщинъ, между тѣмъ изъ автобіографіи Бэра мы видимъ что у Стейнгрюбера вмѣстѣ съ нимъ занималась его кузина математическою географіею. Было это 60 лѣтъ тому назадъ.

Въ 1807 г. Бэръ поступилъ въ Ревельское церковное училище, въ т. н. Domschule

У насъ въ Россіи за послѣднее время много говорятъ и пишутъ объ обязательномъ обученіи дѣтей. Публика интересующаяся успѣшнымъ ходомъ народнаго образованія радостно привѣтствуетъ постановленія нѣкоторыхъ земствъ и сельскихъ обществъ о введеніи у нихъ обязательнаго посѣщенія школъ.

Исторія Ревеля показываетъ намъ, что тамъ обязательное посѣщеніе дѣтьми Domschule введено Датчанами въ 1319 г. во время ихъ владычества этимъ городомъ. Если дѣти не посѣщали школы по винѣ родителей, то эти послѣдніе обязаны были платить штрафъ въ размѣрѣ 10 марокъ

Въ 1810 г. Бэръ поступилъ въ Дерптскій Университетъ по медицинскому факультету.

Университетъ этотъ не занималъ въ то время такое первенствующее мѣсто между русскими университетами, какое онъ пріобрѣлъ въ послѣдствіи, тѣмъ не менѣе и тогда тамъ было нѣсколько выдающихся личностей напр. ботаникъ Ледебуръ, физикъ Паротъ, зоологъ Бурдахъ.

Въ памятный для русскихъ 1812 годъ, когда въ сердце Россіи разыгрывалась кровавая драма, французская армія подъ начальствомъ Макдональда, состоявшая впрочемъ больше изъ нѣмцевъ, особенно прусаковъ, чѣмъ французовъ, осаждала Ригу. Городъ былъ пореполненъ ранеными. Тифозная горячка, постоянная спутница войнъ и всякихъ народныхъ бѣдствій, уносила ежедневно болѣе жертвъ, чѣмъ сама война. Много вымерло тогда и врачей. Чтобы замѣнить умершихъ и оказать свою посильную помощь отправились изъ Дерптскаго Университета 25 студентовъ медиковъ, въ ихъ числѣ и Бэръ. Всѣ они, за исключеніемъ только одного переболѣли тифомъ. Такимъ образомъ Бэръ два года послѣ вступленія въ университетъ, является неожиданно даже для себя, завѣдующимъ лазаретомъ въ 150 человѣкъ больныхъ. Посвящая каждому больному только пять минутъ, пришлось бы въ день потратить на на нихъ болѣе двѣнадцати часовъ. Тогда число врачей не соотвѣтствовало числу больныхъ, не соотвѣтствовало ихъ число и въ Крымскую компанію. Дай Богъ чтобы теперь было иначе. Но къ несчастію уроки исторіи не рѣдко не идутъ на пользу человѣчества. На дѣтствѣ и юности Бэра съ одной стороны я остановился можетъ быть слишкомъ долго, съ другой же, имѣя въ виду какое глубокое значеніе имѣетъ на всю жизнь человѣка то, какъ было направлено его развитіе и образованіе въ тѣ годы, когда впервые пробуждается самосознаніе, я положительно утверждаю, что на этомъ періодѣ я остановился слишкомъ мало. Во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что Бэръ благодаря особенно счастливо сложившимся обстоятельствамъ, получилъ для того времени блистательное научное образованіе. Не разъ слыхалъ я изъ устъ самаго Бэра, что самая надежная, производительная и дающая самый большой процентъ фи-

нансовая операція, эта трата на образованіе. Если бы наши финансисты, или люди имѣющія вліяніе на народное образованіе прониклись этимъ убѣжденіемъ, встрѣчали бы поддержку а не противудѣйствіе, то дѣло народнаго образованіе стояло бы иначе чѣмъ теперъ, а это безъ сомнѣнія отразилось бы въ свою очередь на умственный уровень народа, на производительность и богатство страны.

Въ 1819 г. Бэръ сдѣлался профессоромъ зоологіи въ Кенигсберскомъ университетѣ, гдѣ онъ ранѣе былъ прозекторомъ и доцентомъ. Одною изъ первыхъ его заботъ было создать зоологическій музей, какъ пособіе для нагляднаго преподаванія зоологіи и какъ средство, дающее возможность продолжать научныя изслѣдованія. Ему вскорѣ, конечно не безъ особаго труда и хлопотъ, удалось пріобрѣсти помѣщеніе и положить начало основанія музея.

На одномъ изъ съѣздовъ нѣмецкихъ натуралистовъ и врачей, бывшемъ въ Кенигсбергѣ въ 1860 г., мнѣ пришлось видѣть этотъ музей, который тогда имѣлъ уже большое помѣщеніе и представлялъ не мало богатаго научнаго матерьяла.

Въ 1828 г. Бэръ получилъ приглашеніе Императорской Академіи Наукъ. Въ концѣ декабря 1829 г. онъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь его на первыхъ порахъ заинтересовало, почему *Zoographia—Rosso Asiatica* знаменитаго нашего академика и путешественника Палласа, умершаго въ Берлинѣ въ 1811 г. еще 1830 не была издана. Онъ наводитъ самыя точныя справки, пересматриваетъ всю до этого дѣла относящуюся переписку, отправляется за границу, отыскиваетъ рукопись, рисунки, таблицы и проч. Если въ концѣ концовъ этотъ капитальный трудъ явился въ печати то, я думаю, мы обязаны этимъ исключительно Бэру.

Условія академической жизни того времени, научная обстановка, помѣщеніе музея, его средства были таковы, что даже такой человекъ какъ Бэръ, не смотря на всю свою энергію широкій умъ и неутомимую дѣятельность, долженъ былъ сознать свое безсиліе въ организаціи музея и въ возможности продолжать свои научныя работы. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что разъ запавшая мысль оставить Петербургъ

и возвратиться снова въ Кенигсбергъ, росла и укрѣплялась, пока наконецъ онъ дѣйствительно не покинулъ нашу столицу и не возвратился къ своей прежней профессурѣ. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, многое измѣнилось къ лучшему, академическій зоологическій музей, благодаря правительству, многимъ путешествіямъ и частнымъ лицамъ, а въ особенности благодаря трудамъ и стараніямъ директора музея академика Брандта достигъ очень почтенныхъ размѣровъ, содержитъ представителей зоологической фауны всей Россіи отъ Ледовитаго океана до Хивы и можетъ соперничать съ лучшими европейскими музеями. Тѣмъ не менѣе многое остается еще желать въ особенности по нѣкоторымъ отдѣламъ естествознанія и читая горькое сѣтованіе Бэра о томъ, что было чуть не полъ столѣтія тому назадъ, живо и реально представляешь себѣ убогую обстановку труженика натуралиста того времени, а подъ часъ думаешь, что все это было не далѣе какъ вчера.

Впрочемъ я долженъ оговориться, причина горькаго разочарованія Бэра въ невозможности продолжать научныя работы не всегда лежала во внѣшнихъ условіяхъ академической обстановки, а зависѣла иногда отъ незнакомства его съ Петербургомъ, а можетъ быть отчасти еще и отъ того, что въ то время онъ мало еще владѣлъ русскимъ языкомъ. Чтобы подтвердить сказанное приведу примѣръ. Бэръ жалуется, что онъ не могъ получить достаточнаго количества зародышей на бойнѣ или что онъ не могъ достать оплодотворенныхъ рыбьихъ яицъ, въ которыхъ онъ крайне нуждался для своихъ эмбриологическихъ изысканій. Если бы, думаю я, онъ обратился лично со своею просьбою на тотъ или другой садокъ, то я не сомнѣваюсь онъ могъ бы имѣть достаточное количество такихъ яицъ отъ разныхъ рыбъ и въ разное время года. Я говорю это по собственному опыту.

Не стану входить въ подробности пребыванія Бэра въ Кенигсбергъ по возвращеніи его туда, скажу только, что оно было плодотворно для Университета и еще болѣе для имъ любимой науки.

Сидячая жизнь, чрезмѣрныя занятія наукою начали еще въ Кенигсбергѣ подрывать здоровье Бэра, нѣкоторыя же дру-

гія обстоятельства дѣлали желательнымъ перемѣщеніе его въ другую мѣстность, требовали иной обстановки. Онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ покинуть Кёнигсбергъ и не смотря на сдѣланное ему предложеніе принять профессуру въ Галле, принялъ снова приглашеніе отъ Императорской Академіи Наукъ. Такимъ образомъ въ концѣ 1834 года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и остался окончательно до выхода своего въ отставку, когда онъ отправился въ Дерптъ, чтобы въ тиши прожить остальные годы своей жизни.

Въ жизнеописаніи Бэра до 1834 г. до переселенія въ Петербургъ мы видимъ изложеніе, иногда очень подробное, разныхъ обстоятельствъ его жизни, картины характеровъ лицъ, съ которыми ему приходилось чаще сталкиваться, замѣтки о лицахъ стоящихъ во главѣ учебнаго заведенія, университетовъ, министерства, страны, замѣтки не лишеныя общаго интереса и политическаго оттѣнка. Обо всемъ этомъ позднѣе онъ не говоритъ ни слова, хотя провелъ въ нашей Академіи 36 лѣтъ. Какъ историкъ глубоко изучаетъ отдаленный періодъ времени, входитъ въ подробную оцѣнку всѣхъ событій, главныхъ дѣйствующихъ лицъ имѣвшихъ вліяніе на судьбу историческихъ событій, но кладетъ въ сторону перо, когда приходится говорить о новѣйшемъ, о живущихъ еще людяхъ, такъ поступилъ и Бэръ.

Приступая теперь къ обзору его научной дѣятельности считаю долгомъ м.м. г.г. заявить, что для того, чтобы достойно оцѣнить глубокое значеніе изслѣдованій Бэра для науки и Россіи необходимо написать по крайней мѣрѣ цѣлый томъ, обнять всѣ труды нашего геніальнаго ученаго, предметы изысканій котораго были строеніе животнаго начиная съ яйца и кончая послѣднею ступеню его организациі, начиная низшею формою простѣйшаго животнаго и кончая сложною организациею человѣка, фаунистическія изслѣдованія Новой Земли, Ледовитаго океана, Чернаго моря съ его притоками, Кавказа и астраханскихъ степей, обнять все это въ краткой рѣчи свыше человѣческихъ силъ.

Я позволю себѣ остановить ваше вниманіе только на нѣкоторыхъ изъ его трудовъ.

1. Однимъ изъ первыхъ и самыхъ знаменательныхъ его изслѣдованій было открытіе яйца въ личникахъ у млекопитающихъ и человѣка; оно сдѣлано въ 1827 г. Теперь это открытіе можетъ казаться многимъ менѣе блистательнымъ, изслѣдованіе болѣе легкимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Надо однако, чтобы оцѣнить его вполне перенестись въ ту эпоху, когда оно было сдѣлано, стать на уровень знаній того времени, не упуская изъ виду методовъ изслѣдованія, которыми тогда пользовались,

De ovi mammalium et hominis genesi epistola вышло изъ печати въ январѣ 1828 г. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого же года былъ съѣздъ нѣмецкихъ натуралистовъ и врачей въ Берлинѣ, въ которомъ принялъ участіе и Бэръ. Онъ былъ не мало пораженъ, что не только до того времени не было въ печати ни одного заявленія о сдѣланномъ имъ открытіи, но что на самомъ съѣздѣ никто даже не упомянулъ о немъ. Наконецъ почти при самомъ закрытіи съезда одинъ изъ бывшихъ тамъ шведскихъ профессоровъ Ретціусъ спросилъ Бэра, не можетъ ли онъ ему показать имъ открытое яйцо. Бэръ конечно охотно согласился исполнить просьбу. Въ назначенный часъ явились кромѣ Ретціуса, г. Мюллеръ, Веберъ, Пуркинъ и нѣкоторые другіе. Тогда произошло, что бываетъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ, когда надо показать другимъ то, что самому приходилось видѣть безчисленное число разъ, показать это удается не сразу. Бэръ не тотчасъ могъ найти такъ часто видѣнное имъ яйцо, но наконецъ нашелъ и присутствующіе должны были убѣдиться въ вѣрности сдѣланнаго наблюденія. Въ слѣдующемъ году въ *Hesker's Annalen* появилась статья Д-ра Плагге, присвоившаго себѣ открытіе яйца у млекопитающихъ. Приложенная однако къ статьѣ таблица показала самымъ нагляднымъ образомъ, что Плагге яйца вовсе не видалъ, а рисовалъ и описывалъ т. н. желтое тѣло графова пузырька.

Сказанное, думаю, достаточно обрисовываетъ, какъ мало ученые того времени были подготовлены къ сдѣланному Бэромъ открытію.

2. Второй классическій трудъ Бэра явился подъ названіемъ «Über Entwicklungsgeschichte der Thiere» Beobachtung und

Reflexion. Первая часть была напечатана въ 1828 г. въ Кёнигсбергѣ, вторая уже позднѣе во время его пребыванія въ Петербургѣ. Этотъ трудъ нельзя не считать бессмертнымъ произведеніемъ гениальнаго автора, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ построено все послѣдующее зданіе эмбриологіи. Исторія развитія животныхъ Бэра есть до настоящаго времени настольная книга всякаго эмбриолога. Теперь еще приходится удивляться, какъ Бэръ при скудныхъ средствахъ и недостаточныхъ способахъ изслѣдованія того времени, могъ столько сдѣлать, такъ вѣрно уловить многія изъ самыхъ сложныхъ фазъ развитія. Не даромъ назвали его въ Германіи отцемъ эмбриологіи. Какъ велико значеніе изслѣдованій Бэра, можетъ служить еще то обстоятельство, что часть его труда была цѣликомъ переведена на англійскій языкъ по предложенію Нухлеу въ 1855 г., почти 25 лѣтъ спустя послѣ ея появленія въ свѣтъ.

Далѣе къ замѣчательнымъ изслѣдованіямъ Бэра принадлежатъ исторія развитія рыбъ и ихъ плавательнаго пузыря, изслѣдованія объ уродахъ, краниологическія работы и проч. и проч.

Перечестъ всего нѣтъ возможности.

Всѣ изслѣдованія Бэра, какой бы области они не принадлежали, палеонтологіи ли, географіи, описательной или сравнительной анатоміи, относились ли къ морской или степной фаунѣ, всѣ онѣ носятъ отпечатокъ его генія. Повсюду онъ быстро овладѣвалъ предметомъ, схватывалъ выдающіяся особенности, вводилъ систему и порядокъ. Создавъ въ Академіи Наукъ превосходную коллекцію череповъ въ особенности народовъ обитающихъ Россію, Бэръ уже въ поздніе годы своей жизни взялся за краниологическія работы, тѣмъ не менѣе напечатанные имъ труды сразу и въ этой отрасли естественныхъ наукъ, такъ выдвинули имя его впередъ, что онъ сдѣлался однимъ изъ первостепенныхъ авторитетовъ и по этой наукѣ.

Наконецъ позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о его путешествіяхъ. Въ отчетѣ о путешествіи Бэра на Новую Землю мы находимъ подробное изложеніе какъ самой поѣздки туда и обратно, такъ и перечень тамъ встрѣчающихся животныхъ,

нѣсколько драгоцѣнныхъ замѣтокъ о растеніяхъ, о морской фаунѣ, о прежнихъ путешествіяхъ въ эту страну, о температурѣ и проч.

Фаунистическія изслѣдованія сѣвера, востока и юга Россіи стали за послѣдніе годы почти исключительнымъ достояніемъ нашихъ естественно историческихъ обществъ и въ виду спеціальнаго знакомства многихъ членовъ нашего общества съ подлиннымъ текстомъ Бэровскаго отчета, я считаю едва ли умѣстнымъ входить въ подробности.

Бэръ рассказываетъ, что впечатлѣніе, произведенное на него природою Новой Земли, было на столько глубокое, что оно осталось ему памятнымъ на всю его жизнь. Пространство на Новой Землѣ, говоритъ онъ, кажется безпредѣльнымъ. Нѣтъ деревьевъ или какихъ либо другихъ предметовъ, на которыхъ могъ бы остановиться глазъ и сравненіемъ которыхъ вы могли бы имѣть мѣрку, для опредѣленія разстояній. Воздухъ до такой степени прозраченъ въ особенности въ свѣтлые дни, что горы лежація отъ васъ на громадномъ разстояніи, кажутся совершенно близко. Часто не видно ни животныхъ, не слышно ни малѣйшаго звука, поэтому такая полная тишина производитъ въ душѣ какое то особенно торжественное настроеніе. Мнѣ казалось, говоритъ Бэръ, описывая Новую Землю, что это было утро передъ твореніемъ вселенной, земля уже была и тотчасъ появляются признаки жизни. Отъ этой мысли Бэръ никогда не могъ отдѣлаться. Описывая малое количество видовъ и особей насѣкомыхъ, обитающихъ на Новой Землѣ, онъ говоритъ, что тѣла выброшенныхъ волною на берегъ животныхъ вовсе не содержали въ себѣ личинокъ. Процессъ разрушенія или гніенія совершается тамъ чрезвычайно медленно. Даже, продолжаетъ Бэръ, ходячая фраза въ похоронныхъ рѣчахъ, что трупъ человѣка сдѣлается достояніемъ червей, не примѣнима къ Новой Землѣ и совѣтуетъ людямъ желающимъ избѣгнуть некрасивой перспективы быть съѣденными червями, приказать похоронить себя на Новой Землѣ.

Обрисовывая краткими чертами значеніе и научную дѣятельность Бэра, одного изъ самыхъ гениальныхъ ученыхъ нашего времени и имѣвши случай близко сойтись съ нимъ въ Астра-

хани, мѣстѣ нашего перваго знакомства, я можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто либо чувствую какъ блѣденъ мой очеркъ передъ дѣйствительностью. Бэръ и помимо своихъ научныхъ заслугъ имѣетъ полное право на нашу глубокою признательность. Онъ всегда стоялъ во главѣ всѣхъ хорошихъ начинаній и предпріятій. Пользу страны и человѣчества, развитіе и преуспѣяніе науки, онъ всегда ставилъ на первый планъ, интересы собственные всегда на самый задній.

Скончался К. М. Бэръ въ Дерптѣ 16-го ноября; тихо, спокойно, безъ всякой борьбы, съ полнымъ сознаніемъ приближенія послѣдней минуты. Торжественное похоронное шествіе, провожавшее его тѣло, шествіе, въ которомъ принимали участіе студенты, университетъ, представители Академіи Наукъ, весь городъ, показывало яснѣе, чѣмъ всякія рѣчи, какъ дорогъ былъ всѣмъ намъ этотъ человѣкъ и какую чувствительную потерю понесла въ немъ наука.

Тѣло предано землѣ, но мысли имъ высказанныя будутъ жить, имя Бэра перейдетъ въ потомство, будетъ чтимо, бессмертно, доволѣе будетъ чтима наука и существовать цивилизація.

Почтимте мм. гг. память великаго человѣка, дорогаго нашего сочлена, посвятимъ его памяти будущій первый томъ трудовъ нашего общества, какъ слабый знакъ нашего глубокаго уваженія къ его великимъ заслугамъ передъ наукою и человѣчествомъ.

TRU Khamatukogol

Печатано по распоряженію С.-Петербургскаго общества Естествоиспытателей.